

— Сестрица.

Цзян Жулянь снова позвала.

На этот раз она вела себя не так послушно, голос был чуть хриплым, с неуловимой ноткой кокетства.

Её лицо было слегка бледным, Цин Цянь осмотрела её с ног до головы, не заметив ничего необычного, и решила, что это из-за усталости.

— Ты сегодня утром наблюдала за иньской энергией, это очень изнурительно. Почему бы тебе не вернуться и не отдохнуть?

Цзян Жулянь безразлично усмехнулась. Как говорится, при жизни нет нужды спать слишком много, а после смерти будет долгий сон.

Перед этой долгой спячкой ей нужно кое-что сделать.

Она хочет поцеловать свою луну.

Ветер сегодня был прекрасен, прохладен, словно вода. Пейзаж горы Тунъюнь тоже был великолепен: маленькие горы были зелёными, деревья отбрасывали причудливые тени.

Но ничто не могло сравниться с родинкой в уголке глаза Цин Цянь, с её белоснежными волосами, подобными инею, и с единственными яркими, тонкими губами.

Возможно, из-за её долгого молчания, Цин Цянь нахмурилась: «Ты —»

Не успев закончить, Цзян Жулянь наклонила голову и с самой быстрой скоростью в своей жизни прильнула к ней.

Поцелуй запечатал всё.

Её пальцы касались губ Цин Цянь, они были очень мягкими. Теперь, целуя её, она ощущала их ещё мягче, и они были чуть прохладными.

Цзян Жулянь когда-то ради любопытства пробовала тонкий снег с цветов вишни, он был таким же прохладным, таял одним прикосновением языка, а дыхание наполнялось освежающим холодным ароматом.

У снега не было вкуса, а губы её старшей сестрицы...

Казалось, они сладкие. Если бы лизнуть, разве они тоже не растаяли бы?

Но она осмеливалась только мечтать об этом.

Одного поцелуя было достаточно. Это был насильственный поцелуй против воли старшей сестрицы, этого уже достаточно, чтобы её возненавидели.

Она не любила следовать правилам, поступала по-своему, но только перед старшей сестрицей она готова была сдерживать свой нрав, тщательно обдумывая свои слова и поступки, боясь расстроить её.

В тот миг, когда она прильнула, тело Цин Цянь напряглось. Глаза, никогда прежде не знавшие волнений, расширились от явного изумления.

Цзян Жулянь медленно отстранилась, наблюдая за всеми этими реакциями. Видела, как сжимались и разжимались её руки, как покраснели мочки ушей.

У неё ещё хватало сил подшучивать: хорошо, что она отступила быстро, иначе меч старшей сестрицы уже оказался бы у её горла.

«Тук-тук».

Реакции человеческого тела, казалось, запаздывали. Прекрасные ощущения от поцелуя были наконец интерпретированы и обработаны мозгом, и только тогда сердце начало бешено колотиться.

Хочется целовать ещё, ещё хочется.

Её пульс превысил человеческий предел. Приложив все силы самоконтроля, она накинула на свой голос нежную маску.

— Спокойной ночи, сестрица.

Цин Цянь инстинктивно протянула руку, чтобы дёрнуть Цзян Жулянь за край одежды, но, вспомнив поцелуй, она неестественно замерла.

Она просто смотрела, как Цзян Жулянь повернулась и растворилась в конце дороги, исчезая.

Цзян Жулянь искала место, где можно умереть.

Она родилась на пике Цинлуо, но не могла умереть здесь.

Когда феникс умирает, пламя внутри него полностью выходит из-под контроля. Ей нужно было изолировать себя, чтобы не обжечь невинных людей и маленьких животных.

К счастью, хребет горы Тунъюнь простирался на тысячи ли, обладая обширной природной экосистемой, так что она не должна была беспокоиться о поиске места.

Прежде чем сделать это, она уже сменила одежду, причесалась и взяла семидневный отпуск в Управлении по делам демонов.

Когда светильник души горы Тунъюнь погаснет, все узнают о её смерти. Дело следственной группы можно передать кому-нибудь другому, но её старшая сестрица должна отказаться от должности и как следует отдохнуть.

Она оставила письмо на пике Цинлуо, всё своё наследство — старшей сестрице, ключи от дома, драгоценные камни, хранящиеся в подвале, и банковскую карту.

Цзян Жулянь, составляя в уме свой хитрый план, подошла к краю обрыва и, не останавливаясь и не колеблясь, прыгнула вниз —

Эта сцена, достаточная, чтобы насмерть испугать кого угодно, прервалась внезапным порывом ветра. Человеческая фигура рассеялась, и вместо неё появилась маленькая красная птица, не

намного больше ястреба.

Её перья горели, словно пламя, две перьевые короны на голове изгибались изящными дугами, а пятицветные хвостовые перья были даже длиннее тела.

Она летела против ветра, пересекая горы и леса, и, наконец, бесшумно опустилась перед озером.

Хорошее место. Маленький феникс вытянул шею на два сантиметра, чтобы проверить глубину воды. Она была очень глубокой, достаточной, чтобы погасить огонь.

Теперь нужно было только сделать гроб, лечь в него, а затем дать гробу отплыть к центру озера. Оставалось только умереть.

Она не боялась смерти, даже когда рубила деревья и обтёсывала дерево, она была спокойна.

Но остаточный мягкий и тёплый след на губах всё ещё напоминал ей, как сильно она не хотела этого.

Она боялась, что Янь Янь не сможет хорошо позаботиться о старшей сестрице, боялась, что раны старшей сестрицы не заживут. Боялась, что все будут уважать её как наставницу, как богиню, и вместо этого не посмеют шутить с ней, не поведут её смотреть фейерверки.

Цзян Жулянь легла в грубый гроб и закрыла крышку, оставив лишь узкую щель для света.

Мягкие волны вытолкнули гроб к центру озера. Утренний свет проникал сквозь щель, освещая прозрачный красный нефрит в её руке.

Подняв рукав, чёрная линия растянулась до середины руки. Времени оставалось мало.

Цзян Жулянь закрыла глаза и прошептала: «Как жаль, мне следовало бы обнять сестрицу».

В прокручивающемся перед глазами фильме жизни перед смертью, можно ли задержаться на пике Цинлуо ещё немного?

Цзян Жулянь любила бывать на пике Цинлуо. По сравнению с другими местами, на пике Цинлуо было меньше всего людей, там было тихо.

Ей не нравились люди. Когда их становилось много, они начинали шуметь, и темы их разговоров были только о ней.

Причина одна: она — демон. Вторая: Бай Юньсиэ никогда публично не признавал её своей ученицей.

В первый раз, когда она увидела Бай Юньсиэ, тот человек был одет в белое и сидел, прислонившись к окну. Помахивая веером, он зевнул, в его глазах была только насмешка.

Кроме красивого лица, он ничем не отличался от ленивого и неряшливого шарлатана.

Цин Цянь сначала учтиво поклонилась, а затем подала знак Цзян Жулянь: «Назови Учителя».

Цзян Жулянь яростно покачала головой, пулей выскользнула и спряталась за спиной Цин

Цянь, крепко обхватив её за талию и не отпуская.

Бай Юньсиэ сложил веер и, улыбаясь, сказал: «Маленькая феникс, скорее позови Учителя, я хочу услышать».

— Нет, я хочу только сестрицу, тебя не хочу. — Цзян Жулянь спрятала лицо в одежде Цин Цянь, но её потянули за плечи и отодвинули.

Она жалобно держалась за рукав Цин Цянь, и то лишь за крошечный уголок, размером с ноготь.

Бай Юньсиэ фыркнул и рассмеялся: «Такие демоны, как фениксы, в стадии птенцов не очень милые».

— Без Учителя откуда взялась бы Сестрица? — без всякого чувства вины она пригрозила малышке: — Если не позовёшь Учителя, я велю Цин Цянь выгнать тебя с горы.

Цзян Жулянь с трудом могла представить, как такой злой человек может существовать в этом мире!

Она подняла маленькое личико, чтобы посмотреть на реакцию Цин Цянь.

А Цин Цянь просто молча смотрела вниз, даже не глядя на неё, как будто говорила: «Что скажет Учитель, то и будет».

Она стиснула задние зубы, взяла чашку для подношения учителю, которая уже стояла на столе, и подошла к Бай Юньсиэ.

Бай Юньсиэ тут же выпрямился, демонстративно поправил рукава своей мантии и показал «добродушную» улыбку.

Эта улыбка тогда показалась Цзян Жулянь весьма ужасной, словно он сдерживал какие-то эмоции, ожидая, пока она закончит подношение, чтобы полностью раскрыться.

Цзян Жулянь направила чашку прямо в лицо Бай Юньсиэ, стиснув зубы, и произнесла по слогам: «У-чи-тель!»

Бай Юньсиэ хлопнул в ладоши, его смех был чрезмерно ярким, ослепляющим: «Ах, вот теперь другое дело, послушная ученица, ха-ха-ха-ха».

После тайной церемонии посвящения Бай Юньсиэ снова исчез, так и не признав Цзян Жулянь официально.

Она, демон, нелепо обитала на горе Тунъюнь, чьё предназначение — изгнание демонов. Жилось ей не очень хорошо.

К счастью, Цин Цянь её защищала.

В то время она только недавно обрела человеческий облик. Благодаря хорошим корням и обильной духовной энергии в теле, многие техники она осваивала интуитивно, но совершенно не умела читать.

Как раз в это время Цин Цянь собиралась преподавать в секте, поэтому определила Цзян Жулянь в младшую группу, чтобы она училась основам вместе с детьми и заодно осваивала письмо.

Несколько дней всё было хорошо. Позже Цин Цянь пришла в младшую группу, чтобы забрать феникса домой, но её остановил учитель.

— Она подралась с другими учениками. — Учитель указал на Цзян Жулянь.

Цин Цянь посмотрела на неё, и Цзян Жулянь инстинктивно прикрыла грудь.

Она дралась так сильно, что, хотя в итоге и заставила того толстячка плакать, её ученическую мантию тоже порвали.

Она помнила, что одежды старшей сестрицы всегда были чистыми и опрятными. Хотя она держалась с некоторой отстранённостью, когда разговаривала с людьми, она редко вступала в конфликты.

— Вернись и хорошенько поговори с ней, не нарушай правила! — Учитель сказал это очень невежливо, но Цин Цянь не рассердилась, лишь тихо ответила: — Да, я разберусь с этим.

По дороге домой Цзян Жулянь даже не осмеливалась держаться за рукав.

— Я серьёзно училась. Это они опрокинули мою чернильницу, а ещё требовали, чтобы я показала им свой истинный облик.

Цин Цянь кивнула, давая понять, что знает, и больше ничего не сказала, оставив Цзян Жулянь в тревоге всю дорогу.

Вернувшись домой, Цин Цянь лишь велела ей переодеться, а затем пойти практиковать каллиграфию.

Цзян Жулянь не могла сказать, была ли она разочарована или обрадована. Такие вещи не стоили внимания Цин Цянь — никакого утешения, и, естественно, никакого наказания.

Она оставила свои кривые каракули на рисовой бумаге и, как обычно, отнесла их показать Цин Цянь.

В комнате горел свет, а её старшая сестрица, накинув верхнюю одежду, склонилась над столом и писала.

Присмотревшись, она увидела, что та переписывает какие-то начальные книги.

Цзян Жулянь тихо спросила: «Сестрица, что ты делаешь?»

Цин Цянь, не поднимая головы, ответила: «Готовлюсь к урокам».

Цзян Жулянь была немного растеряна. Старшая сестрица ведь преподавала ученикам старше её, зачем ей эти начальные книги?

Взглянув на изящные иероглифы на рисовой бумаге, она мгновенно всё поняла.

Она с недоверием спросила: «Сестрица собирается преподавать в младшей группе?»

— Да, — коротко ответила Цин Цянь, словно это было пустяком. — А твои сегодняшние иероглифы?»

Цзян Жулянь, подавляя радость в сердце, положила лист бумаги рядом с Цин Цянь.

Способностями Цин Цянь было бы обидно преподавать в младшей группе, но она всё равно согласилась.

Значит ли это, что в сердце старшей сестрицы она всё-таки имеет какой-то вес?

Цин Цянь, выделив свободную минуту, левой рукой взяла кисть с красными чернилами и, выбрав несколько самых уродливых иероглифов из работы Цзян Жулянь, переписала их рядом.

— Готово, — она отложила кисть и протянула проверенную работу Цзян Жулянь. — Эти несколько иероглифов перепиши несколько раз.

Цзян Жулянь схватила Цин Цянь за талию, заставив её руку дрогнуть. Большое пятно туши расплылось по рисовой бумаге, испачкав написанные книги.

Духовная энергия огня в комнате заволновалась, непрерывное тепло передавалось от неё к Цин Цянь.

Температура её тела была выше обычного, а у Цин Цянь всегда была немного ниже.

Цзян Жулянь моргнула и послушно спросила: «Всё, сестрица, ты всё ещё холодна?»

<http://bllate.org/book/21741/2247722>